

«Одна из блестящих страниц науки о классической древности»:

С.Я. Лурье о Ф.Ф. Зелинском и его теории рудиментарных

мотивов

(СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 95)

Н.С. Алмазова*, И.А. Ладынин**

*nalmazova@mail.ru; nalmazova@hse.ru

ФГН Национального Исследовательского Университета
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

**ladynin@mail.ru; iladynin@hse.ru

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ФГН Национального Исследовательского Университета
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Аннотация: Статья посвящена характеристике и публикации архивного документа – русскоязычного оригинала кратких воспоминаний известного антиковеда С.Я. Лурье о Ф.Ф. Зелинском, которые были опубликованы на польском языке в журнале «Meander» в 1959 г. В мемуаре Лурье приводятся его впечатления о занятиях у Зелинского в 1910-х – начале 1920-х гг. и характеризуется предложенный им на материале аттической драмы метод изучения рудиментарных мотивов, позволявший реконструировать древнейшие сюжеты греческой мифологии. Мемуарист разбирает ряд примеров таких рудиментарных мотивов, которые были выделены Зелинским в его труде «Tragodumena», изданном уже в польский период его научного творчества (1925), а также показывает применимость этого метода для анализа фольклора, ветхозаветных мотивов и их вероятного взаимодействия с древнеегипетской традицией, текста На-

горной проповеди. Характеризуется место Зелинского в российском антиковедении начала XX в., его религиозные взгляды и их влияние на выбор им материала для своих научных исследований. Вместе с тем особенность мемуара состоит в том, что его автор, говоря о Зелинском, уделяет едва ли не большее внимание своим собственным научным работкам, в которых, используя метод изучения рудиментарных мотивов, он заходит значительно дальше, чем его создатель. В связи с публикацией данного мемуара авторы статьи в целом характеризуют ту часть наследия С.Я. Лурье, представленного в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 976), которая относится к разработке им проблем т. н. «социальной палеонтологии».

Ключевые слова: С.Я. Лурье, Ф.Ф. Зелинский, рудиментарные мотивы, Греция, драма, фольклор, Ветхий и Новый Завет, антиковедение

Для цитирования: Алмазова Н.С., Ладынин И.А. «Одна из блестящих страниц науки о классической древности»: С.Я. Лурье о Ф.Ф. Зелинском и его теории рудиментарных мотивов (СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 95). *Арусдей* 24 (2021): 252–278.

“One of the brilliant pages of the science of classical antiquity”:
S.Ya. Lurie about F.F. Zelinsky and his theory of rudimentary motives
(СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 95)

N.S. Almazova*, I.A. Ladynin**

*nalmazova@mail.ru; nalmazova@hse.ru
Higher School of Economics, Moscow, Russia

**ladynin@mail.ru; iladynin@hse.ru
Moscow Lomonosov State University? Moscow, Russia
Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract: The paper presents a characteristic and a publication of an archive document, the Russian version of a short memoir by the famous Classicist S.Ya. Lur'e (Salomo Luria) about F.F. Zelinskiy (Tadeusz Zieliński), which was published in Polish in the journal *Meander* in 1959. Lur'e's memoir gives his impression of studies in 1910-1920s under Zelinskiy and characterizes his method of analyzing rudimentary motifs in the Attic tragedies, which allowed reconstructing the most ancient plots of the Greek mythology. The author of the memoir discusses a number of such motifs defined by Zelinskiy in his work *Tragodumena*, which was published during the Polish period of his career (1925), and shows its opportunities for analyzing the folklore, the motifs of the Old Testament and its alleged connection to

the Ancient Egyptian tradition, the text of the Sermon on the Mount. He also describes the position of Zelinskiy in the Russian research of Antiquity in the early 20th century, his religiosity and its impact on his works. A remarkable feature of the memoir is that its author gives a particular prominence to his own use of Zelinskiy's method, much more far-fetching than the studies of its maker. The article also characterizes Lur'e's heritage in the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences, which reflects his studies in the so-called "social paleontology".

Keywords: S.Ya. Lur'e (Salomo Luria), F.F. Zelinskiy (Tadeusz Zieliński), Greece, drama, folklore, Old and New Testament, Classical scholarship

To cite this article: Almazova N.S., Ladynin I.A. "One of the brilliant pages of the science of classical antiquity": S.Ya. Lurie about F.F. Zelinsky and his theory of rudimentary motives (СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 95). *Aristeas* 24 (2021): 252–278

О фонде Соломона Яковлевича Лурье в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (фонд 976) можно с полным основанием сказать, что это золотоносная жила, пока что слабо разработанная исследователями истории отечественного антиковедения¹. В целом этот фонд насчитывает 866 единиц хранения, причем наиболее ранние из них относятся к 1913 г. Как видно, антиковед, знаменитый «несоветскими» научными интересами и непростым характером, явно придавал большое значение сохранности своих личных документов, которые не растерял и непрестанно накапливал, несмотря на такие драматичные эпизоды жизни, как эвакуация в 1941–1942 гг. в Иркутск и разъезды по стране после изгнания из Ленинградского университета в 1949 г.² Документы С.Я. Лурье были переданы в Архив Академии наук его сыном Я. С. Лурье в 1968 г. Трудно оценить, в какой мере их массив подвергся «самоцензуре», которую в сталинское время проходили многие личные архивы, хотя один необычный пример такой самоцензуры мы затронем далее (см. наши примеч. 76 и 78). Пожалуй, наиболее эффектная часть фонда С.Я. Лурье – это его переписка (опись 3), значение которой позволяют оценить одни имена корреспондентов ученого: С.И. Вавилов, В.П. Бузескул, А.И. Доватур, С.А. Жебелев, Н.А. Машкин, В.В. Струве, И.М. Тронский, Ф.Е. Эджок, У. Вилламовитц-Меллендорф, В. Георгиев, Г. Де

¹ Здесь и далее сведения о фонде С.Я. Лурье приводятся по данным ресурса: Информационная система «Архивы Российской академии наук» (ИСАРАН). – СПФ АРАН. – Фонд 976 (<http://isaran.ru/?q=fu/fund&ida=2&guid=F9DD27DE-F6DF-15A0-C271-43743B618DA7>; дата обращения: 21.06.2021).

² См. об этих эпизодах биографии С.Я. Лурье: Koprzhiva-Lurie 1987: 175–177, 188–208; Frolov 1999: 457–459; Mirovschikova 2015; Krikh 2020: 206–226.

Санктис, К.Ф. Леман-Гаупт, О. Массон, О. Нейгебауэр, Э. Перуцци, Э.Г. Тернер, М. Вентрис и его супруга Лоис, Дж. Чэдвик. Вместе с тем весьма информативно и собрание научных материалов С.Я. Лурье (опись 1), включающее рукописи его трудов (в том числе неопубликованных), тексты докладов и конспекты читавшихся им лекционных курсов. В настоящей публикации мы представим один из этих материалов, на наш взгляд, особенно показательный для определения того, что составляло для Лурье несомненный приоритет в его научной деятельности, который, однако, во многом остался не реализован.

Один из авторов этой статьи уже дважды обращался к такому, казалось бы, необычному эпизоду в биографии С. Я. Лурье, как его занятия в 1920-е гг. древневосточными текстами, в которых он видел описания своего рода «перевернутого мира»³. Если исследование в таком ключе библейской традиции не было для Лурье при его еврейском происхождении и интересе к проблематике древнего антисемитизма чем-то выбивающимся из ряда, то гораздо более неожиданным было его обращение к древнеегипетским текстам, традиционно считавшимся отражением смуты I Переходного периода – «Речению Ипувера» и «Пророчеству Неферти» (Ноферреху, согласно принятой тогда транскрипции). По мнению Лурье, которое высказывалось в резкой оппозиции суждениям ведущего египтолога тех лет В.В. Струве⁴, ни в рассказе Библии о пребывании евреев в Египте, ни в описаниях крушения социального порядка в этой же стране не следовало видеть реальные исторические свидетельства (тем более о «социальной революции», как считал не только Струве, но и крупнейший немецкий египтолог А. Эрман). На самом деле в древности едва ли не у всех народов бытовали особые сакрализованные периоды, когда «все законы отменяются, социальные отношения становятся вверх ногами: рабы сидят за столом, а господа им прислуживают, разрешается необузданный разврат и т. д.»⁵ Очевидный пример таких регулярных празднеств Лурье, опираясь на Дж. Дж. Фрэзера⁶, видел в римских Сатурналиях, а древнеегипетские тексты, описывающие «переворачивание нормы» в социальном порядке, считал переосмыслением такой же, оставшейся уже в далеком прошлом, практики, которая, пройдя мифологизацию и дальнейшую трансформацию в сказочные мотивы и псевдоисторические рассказы, была переосмыслена как временное господство в мире олицетворявшего зло бога Сета. Уязвимость построений Лурье состояла, конечно, в том, что с древнеегипетскими текстами он профессионально рабо-

³ Ladynin 2020a, b. Подробные отсылки к упоминаемым далее интерпретациям С.Я. Лурье и связанными с ними позициями других исследователей можно найти в этих публикациях.

⁴ См. также в связи с этим: Bukharin 2019.

⁵ Цит. по: Lur'e 1926a: 100, п. 1.

⁶ См., например, Frazer 1983: 541–549.

тать не мог; однако это не помешало ему сказать, что в рассказе о пребывании евреев в Египте можно обнаружить влияние этого же египетского мотива. На протяжении 1920-х гг. С.Я. Лурье опубликовал четыре достаточно обширных работы (в том числе две – в ведущих немецких журналах), в которых развивает свои идеи⁷. К подобной же постановке проблемы он попытался вернуться в середине 1940-х гг., когда выступил в ЛГУ (вероятно, на кафедре истории древней Греции и Рима) с критикой идеи Н.Н. Залесского о «революции рабов» в Вольсиниях в 265–264 гг. до н. э., предлагая видеть в соответствующих данных традиции как раз отражение празднества, подобного Сатурналиям⁸.

Как мы уже отметили, одним из источников подобного подхода Лурье были взгляды крупнейшего этнолога начала XX в. Дж.Дж. Фрэзера. Значение, которое Лурье им придавал, проявилось, в частности, в такой ремарке в библиографии к статье «Греческая религия», написанной им для «Большой советской энциклопедии»: «С тех пор как этнологическая школа установила общность мифологических сюжетов на всем земном шаре и их пережиточный характер, вся старая лит<ература>, построенная на др<угих> предпосылках, сразу устарела»⁹. Как видно, реконструкция первоначального облика и природы мотивов, отразившихся в мифологии и литературе древности, казалась Лурье альтернативой традиционным методам их изучения и возможностью качественно расширить кругозор науки. При этом он считал нужным выходить за рамки не только своих стабильных научных интересов, связанных с древней Грецией, но и древности и исторической науки вообще. Одна из его статей начала 1930-х гг. – «Дом в лесу» – посвящена мотиву волшебных сказок целого ряда народов мира, который Лурье рассматривает, используя новейший для того времени индекс фольклорных сюжетов Аарне-Томпсона¹⁰. Еще больше материалов такого рода предоставляет архивный фонд Лурье. Раздел 3 его описи 1 – «Мифология и фольклор» – содержит семь дел, представляющих собой как неопубликованные статьи, так и выписки по сюжетам античной и библейской традиции и сказкам разных наро-

⁷ См., помимо цитированной выше статьи, Lur'e 1926b; Luria 1926, 1929.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 20. Судя по содержанию рукописи доклада С.Я. Лурье, он представлял собой непосредственную реакцию на доклад Н.Н. Залесского, в котором была представлена эта идея. Согласно хроникальной заметке Залесского, этот доклад под названием «Восстание рабов в Вольсиниях в 265/4 гг. до н. э.» состоялся до научной сессии ЛГУ 1945 г. (Zallesskiy 1946: 212), а в рукописи Лурье он датирован 21 марта (Л. 1; видимо, 1945 г.). Сама рукопись Лурье не датирована, но, очевидно, ее следует также отнести к весне или в крайнем случае к началу лета 1945 г. Попытка вернуться в этом докладе к немарксистской методологии весьма примечательна именно для этого времени завершения войны, когда некоторое ослабление идеологического прессинга, переориентация пропаганды на традиционные ценности и относительная открытость западным союзникам, казалось, позволяли надеяться на смягчение режима после войны.

⁹ Lur'e 1930: 139.

¹⁰ Lur'e 1932.

дов (в том числе евреев)¹¹. Еще обширнее – как по числу дел, так и по их объему – раздел б этой описи, который носит красноречивое название «Социальная палеонтология»¹². В него входят рабочие заметки Лурье, конспекты лекционных курсов, которые он читал или планировал читать, а также неопубликованные статьи, среди которых выделяется обширная (53 рукописных страницы) немецкоязычная работа “*Studien zur Paläontologie des Mythos*”¹³. Примечателен сам термин «социальная палеонтология», который употребляет в данном случае Лурье: во-первых, он наглядно показывает те ожидания, который ученый возлагал на изучение пережиточных мотивов как средство комплексной реконструкции древнейшего состояния не только сознания людей, но, очевидно, и их общества. Во-вторых, очевидна переключка этого термина с термином «лингвистическая палеонтология» в «новом учении о языке» Н.Я. Марра, которое претендовало также на реконструкцию древнейших стадий в развитии языка на основе признания их идентичности в общемировом масштабе¹⁴. Сын С.Я. Лурье в своих известных воспоминаниях об отце твердо говорил о его негативном отношении к идеям Марра¹⁵, и это вызывает доверие, поскольку сам Лурье, конечно, не мог увидеть смысла в марровском отказе от классического сравнительного языкознания. Думается, однако, что стоило бы поискать оценки «нового учения о языке» в архивных материалах Лурье, о которых мы говорим, и они необязательно будут сугубо отрицательными: при всей сложности вопроса о том, был ли искренен и даже нормален Марр, выдвигая свои построения, его сторонниками, принимавшими их с энтузиазмом (а среди них была не только фанатичная О.М. Фрейденберг¹⁶, но, например, и гораздо менее увлекающийся Б.Б. Пиотровский¹⁷), двигало то же стремление раздвинуть горизонты познания, что и самим Лурье.

Понятно, однако, что реконструкция реалий древнейших общества и сознания по их следам в более поздних источниках требовала в первую очередь строгого научного метода выявления таких следов. Ставя эту задачу в своих работах 1920-х гг., С.Я. Лурье не раз указывал на использование им теории рудиментарных мотивов, разработанной при анализе произведений классической древнегреческой драматургии Ф.Ф. Зелинским¹⁸. В основе этой теории

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 64–70.

¹² Там же. Д. 85–95.

¹³ Там же. Д. 90.

¹⁴ Alpatov 2011: 32–41.

¹⁵ Koprzhiva-Lurie 1987: 114–116.

¹⁶ Freidenberg 1988; Koprzhiva-Lurie 1987: 144–147. О неуместности современных попыток идеализации «теории» Марра и вычленения в ней «рационального зерна», в том числе публикаторами наследия Фрейденберг, см.: Alpatov 2011: 214–220.

¹⁷ Piotrovskiy 1995: 57–58, 73–76.

¹⁸ См. о Фаддее Францевиче (Тадеуше) Зелинском (1859–1944): Almazova 1999; Frolov 1999: 282–288; Zaborowski 2009; Dubielzig 2009; Gavrilov 2012.

лежало наблюдение, что в греческих трагедиях обнаруживаются непоследовательности, отсылки к сюжетным линиям, не реализующимся в их тексте, или отрицания развития сюжета по таким линиям¹⁹. По мнению Зелинского, такие детали являются рудиментами первоначальных вариантов мифов, лежавших в основе трагедий и модифицированных или отклоненных последующими драматургами; соответственно, их изучение позволяет реконструировать такие первоначальные мифы или по крайней мере составить о них представление.

Увлечение Зелинским, порожденное его лекциями в Петербургском университете, отразилось в студенческих письмах Лурье, которые цитирует его сын²⁰, а в его архивном фонде есть три документа, в которых теории Зелинского дается прямая оценка. Один из них, озаглавленный «Теория рудиментов и нападки на нее» и квалифицированный в описи как «доклад»²¹, на наш взгляд, может и не быть таковым. Это вполне завершённый текст теоретического содержания, датированный в описи 1922–1923 гг.²², в котором ответ на пресловутые «нападки» был дан, по-видимому, по какому-то конкретному поводу (текст начинается знаменательными словами: «Не так давно мне пришлось выслушать от одного из противников теории рудиментов замечание...» – причем слова «противников теории рудиментов» надписаны над зачеркнутым «моих студентов»)²³. Примечательно, что на титуле этого текста помещена (видимо, в качестве эпиграфа) цитата, разрешающая вопрос об одном из источников термина «социальная палеонтология» для С.Я. Лурье, – слова французского археолога, как и наш герой, еврейского происхождения, С. Рейнака (“*La paléontologie sociale... prouvera qu’elle est la plus utile des études historiques*”)²⁴. В этом тексте речь идет о возможностях теории руди-

¹⁹ Например: «Когда Орест, убив Эгисфа, намерен оставить его труп, чтобы обречь той же участи и Клитемнестру – раб убитого предупреждает его и предостерегает эту последнюю. Она, поняв в чем дело, делает распоряжение (ст. 889): *δοίη τις ἀνδροκίητα πέλεκυν ὡς τάχος* («Эй, секиру мне двуострую!») – *Н. А., II. Л.*). Но, прежде чем успевают принести ей эту секиру, приходит Орест, и она, безоружная, делается его жертвою. Таким образом и здесь сопротивление с секирой в руках остается предположением Клитемнестры, в то время как в действительности дело разыгрывается иначе. Но и здесь предположение – лишь рудиментарный мотив, бывший действительностью у предшественника Эсхила, как это доказывают те же расписные вазы. Там Клитемнестра действительно с секирой в руках замахивается на Ореста, чтобы отомстить за поражённого Эгисфа, а Талфибий вырывает ее из ее рук» (Zelinskiy 1912: 10).

²⁰ Корзхива-Lurie 1987: 47.

²¹ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 87.

²² Содержание этого и следующего текстов не дает очевидной основы для их датировки. Видимо, они были датированы в какой-то описи материалов С.Я. Лурье, вместе с которой они были переданы в архив (возможно, их датировки были сообщены его сыном).

²³ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 1. Полностью цитируемый пассаж выглядит так: *La lutte d’injures et de railleries entreprise par le XVIIIe siècle contre un passé oppresseur a été vaine; mais si la paléontologie sociale veut la reprendre et la poursuivre, avec le calme et la dignité qui conviennent à la science, elle prouvera*

ментов как таковых, с упоминанием роли в ее разработке Ф.Ф. Зелинского, но без подробной характеристики его работ. Еще один совсем короткий текст, не имеющий заглавия и отнесенный в описи к 1930 г.²⁵, представляет собой конспект выступления, в котором теория Зелинского характеризовалась на общем фоне отечественной и мировой науки об античности (невозможно установить, где именно должно было прозвучать это выступление). Однако наиболее ярко восприятие Лурье личности Зелинского и его теории проявилось в тексте, который мы публикуем.

В 1959 г. наступал 100-летний юбилей Ф.Ф. Зелинского. После своего отъезда в 1922 г. в Польшу он стал в этом новом государстве в определенной степени культовой фигурой, поэтому достаточно закономерно, что в этот юбилейный год польский антиковедческий журнал “Meander” решил посвятить ему в одном из выпусков подборку статей²⁶. Естественным шагом было пригласить к участию в этом выпуске и одного из советских антиковедов, и кандидатура С.Я. Лурье напрашивалась для этой цели сама собой, тем более что к тому времени он уже представил к публикации в этом журнале свою статью о декрете Диофанта²⁷. Мемуарная статья Лурье о Зелинском вышла в № 8–9 XIV тома журнала, осенью 1959 г.²⁸, вместе со статьями Я.М. Боровского, К. Куманецкого, Х. Морткович-Ольчаковой и некоторых других авторов. Понятно, что польский текст этой статьи малодоступен отечественным антиковедам; однако в архивном фонде Лурье сохранился текст ее русскоязычного оригинала²⁹. Эта рукопись имеет форму письма, датированного и начинающегося с обращения к корреспонденту-женщине в ответ на ее письмо; можно думать, что корреспондент Лурье – известный польский антиковед Л. Винничук, ученица Зелинского и в это время секретарь редакции журнала, переписка с которой сохранилась в его архивном фонде (два письма Лурье ей от 10 марта 1957 г. и 16 января 1958 г.³⁰; одиннадцать писем от нее ему в период от 28 марта 1957 г. до 9 апреля 1961 г.³¹; к сожалению, закрытие Санкт-Петербургского филиала Архива РАН не позволило нам уточнить,

---

qu'elle est la plus utile des études historiques et, subsidiairement, qu'elle a plus d'esprit que Voltaire (Reinach 1905: 85; в рукописи Лурье ошибочно указан год издания 1908).

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 102.

²⁶ См., например, Ахег 2012 (автор отмечает связь издания этого выпуска журнала с «политической оттепелью» 1956–1959 гг. в ПНР: Ахег 2012: 12).

²⁷ Ługia 1959a; рукопись ее немецкого текста также находится в фонде С.Я. Лурье: СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 79. См. об этой статье и ее предыстории, в частности: Formozov 2006: 170–171.

²⁸ Ługia 1959b. Авторы глубоко благодарны коллеге А. Войчеховской (Вроцлавский университет), скопировавшей для них эту статью, а также уточнившей статус Л. Винничук в редакции журнала в 1959 г.

²⁹ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 1. Д. 95.

³⁰ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 16.

³¹ СПФ АРАН. Ф. 976. Оп. 3. Д. 160.

имеется ли среди последней подборки упоминаемое Лурье письмо, на которое он отвечает). Текст рукописи машинописный, с исправлениями машинописью и карандашом (вычеркивания) и чернилами (вписывания, в т. ч. всех цитат из древнегреческих текстов). Всего в рукописи пятнадцать листов; ее машинописная пагинация соответствует пагинации архивного дела.

Предлагаем нашим читателям текст этой рукописи. Думается, одна из самых примечательных ее черт – то, как ее автор не только обозначил оценку теории Ф.Ф. Зелинского в качестве методологической альтернативы и дореволюционной, и (по умолчанию) советской науке, но и наметил ее развитие до предела, которого явным образом не мыслил ее создатель.

Львов, 10/V 1959

Глубокоуважаемая коллега, в ответ на Ваше любезное письмо от 20 апреля с. г. шлю Вам воспоминания о моем учителе проф. Ф. Зелинском и его методе рудиментарных мотивов³².

Воспоминания о <Ф.Ф.> Зелинском и его теории
рудиментар<ных> мотивов³³.

Уже в гимназии меня живо интересовал вопрос об общем методе, который давал бы возможность восстанавливать (интерполировать) забытые факты исторического прошлого. Этот вопрос интересовал меня в связи с моими тогдашними занятиями интерполяцией в математике, с одной стороны, и палеонтологией, с другой.

Когда я в 1909 г. поступил на классическое отделение историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, ведущие научные работники этого отделения (за исключением М.И. Ростовцева, стоявшего, поскольку я помню, вне группировок) и их ученики были разделены на две враждебные группировки: одна, сторонников которой ее противники называли «гробокопателями»³⁴, возглавлялась С.А. Жебелевым³⁵, другая – Ф.Ф. Зелин-

³² Дата и начало письма перечеркнуты пятью жирными карандашными чертами, идущими наискосок справа налево.

³³ Вписано чернилами от руки.

³⁴ Об имеющемся в данном случае в виду кружке т. н. фактопклонников см. теперь: Kirillova 2020.

³⁵ Жебелев Сергей Александрович (1867–1941) – крупнейший отечественный филолог-классик и историк-антиковед, начавший свой научный путь в 1900-е гг. и вошедший в дальнейшем в советскую науку, ученик основоположника отечественной эпиграфической школы Ф.Ф. Соколова (Frolov 1999: 265–277, 403–404).

ским. Как будущий историк, я с самого же начала стал работать под руководством С.А. Жебелева.

«Гробокопатели», противопоставляя себя Зелинскому, гордились «строгостью» своего метода: они избегали всяких гипотез, теорий и обобщений и ставили целью своей работы лишь выяснить, “wies es eigentlich ist gewesen”³⁶. Это направление пользовалось покровительством влиятельных академиков: при выборах в академию наук мало кому, кроме специалистов, известный эпиграфист А.В. Никитский³⁷ оказался избранным в академики, тогда как Зелинский, автор знаменитой книги “Die Gliederung der altattischen Komödie”³⁸, которая произвела настоящий переворот в нашей науке, Зелинский, имя которого пользовалось тогда широкой славой во всем образованном обществе, был забаллотирован!³⁹ Впрочем, этот факт был типичным для академии наук, боявшейся всего смелого и яркого: точно так же академиком по разряду химии был избран барон Розен, а забаллотирован великий химик Менделеев⁴⁰.

Практические занятия по критике текста, источниковедению и эпиграфике у С.А. Жебелева принесли мне очень большую пользу, но лекции его, представлявшие, в сущности, пересказ учебника Р. Пельмана⁴¹, были скучными.

³⁶ Любопытно, что в качестве ведущего лозунга «фактопоклонников»/«гробокопателей» С.Я. Лурье приводит знаменитую фразу, принадлежащую основоположнику научной историографии Леопольду фон Ранке (1795–1886) и определяющую принципы позитивистского исторического исследования (Ranke 1885: vii: Man hat der Historie das Amt, die Vergangenheit zu richten, die Mitwelt zum Nutzen zukünftiger Jahre zu belehren, beigemessen: So hoher Aemter unterwindet sich gegenwärtiger Versuch nicht: er will bloß zeigen, wie es eigentlich gewesen). Учитывая, что едва ли Лурье не знал этого, невольно можно предположить, что контекст этой цитаты определяет и его отношение к позитивистскому исследованию вообще.

³⁷ Никитский Александр Васильевич (1859–1921) – отечественный антиковед, еще один ученик Ф.Ф. Соколова, специалист по древнегреческой эпиграфике (Frolov 1999: 259–261).

³⁸ Zieliński 1885. Внизу листа вычеркнуто: «, сделавшей переворот в нашей науке».

³⁹ Ф.Ф. Зелинский был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук по Историко-филологическому отделению в 1893 г., спустя 8 лет после выхода в свет упоминаемого труда, А.В. Никитский – в 1902 г. Речь, без сомнения, идет о выборах 1917 г., когда по представлению В.В. Латышева были избраны академиками А.В. Никитский и М.И. Ростовцев и не был – Ф.Ф. Зелинский; при этом с 1916 г. Зелинский был почетным академиком по Разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности, т. е. занимал академическую позицию, предназначенную прежде всего для литераторов (Basargina 2008: 314, 345–350, 436, n. 51, 531, 536, 557). Ср.: «Если можно спорить, кто заслуживал предпочтения при выборе в академики, он (Зелинский). – Н. А., И. Л.) или его близкий друг М.И. Ростовцев... то избрание усердного крохобора А.В. Никитского было явным оскорблением Зелинскому...» (Warnecke 2014: 156–157).

⁴⁰ По-видимому, С.Я. Лурье имеет в виду выборы в Академию 1880 г., когда Д.И. Менделеев был действительно забаллотирован Физико-математическим отделением на вакантное место академика по технологии и химии, приспособленным к наукам и ремеслам, после чего в 1881–1882 гг. это же отделение поддержало на эту вакансию Ф.Ф. Бейльштейна. Однако Лурье не только неправильно называет фамилию «конкурента» Менделеева, но и не упоминает, что его избрание не было утверждено Общим собранием Академии: Dmitriev 2004: 297–458.

⁴¹ Pöhlmann 1906.

«Гробокопатели» внушали своим коллегам – студентам недоверие к Зелинскому: Зелинский, говорили они, актер; он даже прическу сделал себе «под Гомера», свои лекции он якобы разучивает перед зеркалом, его чувства наиграны, и он даже из года в год при чтении «Илиады» плачет в одних и тех же местах актерскими слезами. Вдобавок мне, когда я еще был гимназистом, казались произвольными и ненаучными те выкидывания, перестановки и исправления, которые Зелинский позволил себе внести в текст Софоклова «Царя Эдипа» в русском школьном издании Манштейна⁴².

Однако с первых же посещений лекций Зелинского (он читал античных авторов – «Илиаду», Софокла, Горация и др.) мое отношение к нему совершенно переменилось: я почувствовал в нем глубокое искреннее увлечение и любовь к античности; он обладал, как мне тогда казалось, абсолютным знанием и пониманием античности – в том смысле, как говорят об абсолютном слухе в музыке⁴³. Зелинский был поляком по национальности, немцем – по образованию и русским – по культуре; но его истинной родиной была Эллада классического времени⁴⁴.

На меня произвела также большое впечатление его научная добросовестность, способность отказываться от своих привычных взглядов и выводов, если они противоречили новым фактам. Так, он объяснил на своих лекциях, что наличие ряда ненужных в общей связи⁴⁵ античных трагедий стихов, часто даже противоречащих контексту, прежде побуждало его выбрасывать и исправлять эти стихи⁴⁶¹ – новые папирусные находки показали неубедительность этих приемов, и он перестал вычеркивать эти стихи, но стал видеть в них – иногда сознательно вставленные, иногда оставленные по недосмотру следы фабулы предшественников автора. При этом Зелинский употреблял как раз то слово, которое мне было известно еще в школьные годы из палеонтологии – «рудименты».

Итак, я нашел у Зелинского тот палеонтологический метод, тот путь к исторической интерполяции, о котором я мечтал, еще будучи гимназистом!

Впоследствии, пятнадцать лет спустя, находясь уже в Польше, Зелинский обобщил и систематизировал эти свои наблюдения в работе “De locis tragodiae

⁴² Очевидно, имеется в виду издание Sophocles 1892 (с переизданиями).

⁴³ Ср., однако: «Зелинский как раз наоборот читал только новинки, а к авторам обращался и то редко, лишь чтобы набрать у них два-три подтверждения для своей уже сложившейся и зачастую совершенно произвольной мысли. Отсюда и оторванность от подлинной античности большинства его построений...» (Warnecke 2013: 149).

⁴⁴ Вычеркнуто: «и это сразу же духовно сблизило меня с ним».

⁴⁵ Вычеркнуто: «стихов».

⁴⁶¹ Ср. его школьное издание «Трахинянок» Софокла и его замечание в Tragodumena, 65: “Fuit tempus, cum ego propter illas... repugnantias (Vaccharum v.) 627–636a pro spuris haberem” – Примеч. С.Я. Лурье. Речь об изданиях: Sophocles 1898; Zieliński 1925: 65.

graesae rudimentalibus^{47,2)}; но в то время, в 1910–1911 годах, когда я был молодым студентом, этой книги еще не существовало, поэтому мне⁴⁸ приходилось тщательно собирать образцы «рудиментов» из лекций и статей Зелинского, находить самому новые образцы и систематизировать их; эти «рудименты» послужили в значительной мере отправным пунктом моей дальнейшей научной работы.

Желая еще лучше познакомиться с методом работы Зелинского, я попросил у него разрешения участвовать в чтении Аристофана, которое велось приватно на дому в его уютной квартире во дворе историко-филологического института⁴⁹. Эти занятия, однако, дали мне меньше, чем я ожидал – они велись на довольно элементарном уровне вследствие того, что участники-студенты плохо знали греческий язык. В этих частных занятиях я продолжал участвовать еще в 1920 году, будучи уже профессором педагогического института в Петрограде. Зелинский со свойственным ему увлечением и любовью к античности продолжал вести эти занятия в это тяжелое время, не взирая ни на какие внешние препятствия: за отсутствием дров в его квартире температура была немногим выше нуля – комната согревалась только миниатюрной подвижной печкой – так называемой «буржуйкой»; как сам Зелинский, так и все участники сидели в пальто и перчатках⁵⁰.

После отъезда Зелинского в Польшу я его больше не видел, но продолжал тщательно изучать его работы. Я опубликовал уже ряд статей с применением метода рудиментарных мотивов, когда узнал о выходе в свет его работы “*De locis tragoediae graesae rudimentalibus*”, и, преодолев все трудности, связанные тогда с получением книг из Польши, добыл для себя эту книгу.

Здесь Зелинский собрал целый ряд примеров рудиментарных мотивов в греческой трагедии и систематизировал их, разделив их на пять групп:

^{47 2)} *Tragodumenon libri tres*. Cracoviae 1925. – Примеч. С.Я. Лурье. Речь о первой части публикации: Zieliński 1925: 1–132. Далее мы не повторяем в сносках ссылки на это издание, когда Лурье указывает его страницы в своем тексте.

⁴⁸ Начиная со слов «но в это время...» вставка чернилами вместо зачеркнутой машинописи: «тогда мне, молодому студенту.»

⁴⁹ Исходно: «в его квартире во дворе историко-филологического института, в уютном деревянном флигеле»; исправлено карандашом перестановкой слов, вписыванием и зачеркиванием.

⁵⁰ Ср. с описанием университетской лекции Ф.Ф. Зелинского 1921 г.: «Отапливание аудиторий – роскошь совершенно недоступная в Российской, Советской Федеративной, а в этот день не дали и свету, так что я не знаю более макаберного дня, чем этот. Холод... Мрак... Закутанный в плащ поверх шубы Зелинский... Пятнадцать окоченелых уродов, теряющихся во мраке и составляющих всю его аудиторию» (из дневника М.Н. Рыжкиной; цит. по: Onoshkovich-Yatsyna 1993: 401).

1) *contradictio*⁵¹, 2) *conduplicatio*⁵², 3) *irritum consilium*⁵³, 4) *vana fama*⁵⁴, 5) *dissimulata invectiva*⁵⁵.

Зелинский видел в сохранении этих рудиментов характерную черту *всякого* поэтического творчества вплоть до наших дней. Как он уверяет (*Tragodumena*, стр. 1), и в новой поэзии “*innumera huius rationis exempla inveniri possunt*”. Однако приводимые им примеры (Шекспир, Грильпарцер, Мицкевич, Ал. Толстой, Иммерман) относятся исключительно к области *либо исторических пьес и поэм, либо баллад*, а оба эти жанра составляют незначительную часть поэзии нового времени. И в исторической пьесе или поэме и в балладе поэт связан по рукам и по ногам традицией – его свободному вымыслу отведены сравнительно узкие рамки; поэтому мы в праве думать, что здесь рудиментарные мотивы надо поставить за счет исторической и фольклорной традиции, а не свободно-поэтического творчества. Сказанное полностью относится и к аттической трагедии: для грека мифы это лишь древнейшая часть *истории* и прежде всего *истории его родного города*; как и в нынешнем историческом романе, он может примышлять только второстепенные подробности, но не вправе выдумывать существенные черты мифологической фабулы, т.е., с античной точки зрения, не вправе исказить действительность. Еврипидовы версии мифов, как известно, более всего отличались от тривиальных, и, тем не менее, даже его враг Аристофан не решается обвинять его в том, что он *сочиняет* свои версии мифов (в чем его обвиняли схолиасты римской эпохи, когда в мифах стали видеть продукт свободного творчества!): в «Лягушках» (ст. 1052) Еврипид задает Эхилу вопрос: «А я сочинил, что ли, этот рассказ о Федре? До меня его не было?» (Πότερον δ' οὐκ ὄντα λόγον τοῦτον περὶ τῆς Φαίδρας συνέθηκα;), на что Эхил отвечает: «Конечно, нет, он существовал, но дурное надо скрывать» (μὰ Δί' ἄλλ' ὄντ' ἄλλ' ἀποκρύπτειν χρὴ τὸ πονηρὸν). Не следует забывать, что греческие мифы, как и всякий продукт устного народного творчества, были, задолго до Еврипида, как выражаются немцы, “*zersungen und zerklungen*” – они разбились на множество местных версий. Поэтому не было необходимости кощунственно сочинять новые мифы: поэт имел очень большой выбор разнообразных вариантов и всегда мог выбрать вариант, подходящий для его поэтического замысла.

Поэтому повторяющиеся многократно утверждения Зелинского о *вымышленных* Еврипидом мифах (напр<имер>, *Trag<odumena>*, 45: *ab ipso Euripide*

⁵¹ Zieliński 1925: 13–32.

⁵² Zieliński 1925: 32–68.

⁵³ Zieliński 1925: 68–105.

⁵⁴ Zieliński 1925: 105–112.

⁵⁵ Zieliński 1925: 112–132.

inventa) являются произвольными, поскольку никто не может знать, что такой версии мифа не существовало в доеврипидовской традиции. В частности на цитированной мною стр. 45 Зелинский стремится доказать, что Еврипид сам придумал ослепление Полиместора в «Троянках», рассуждая при этом так: 1) эта версия нужна была Еврипиду для введения лирической сцены со слепым Полиместором; 2) между убийством Полиместором сына Гекубы и ослеплением Полиместора нет никакой логической связи⁵⁶. Однако, такой связи нет только для нас – она была непосредственно ясной для древних, см., напр<имер> Artemidor. Onirocr. II, p. 134, 28 Hercher: Ἥλιος ἀφανιζόμενος... ὀφθαλμῶν πῆρωτιν ἔσεσθαι ἢ τέκνων ὄλεθρων προσαγορεύει⁵⁷ (145, 6) κόρη γὰρ καλεῖται καὶ ἢ γλήνη ἢ ἐν τῷ ὀφθαλμῷ⁵⁸). Поэтому вполне вероятно, что в традиции существовали обе эти родственные друг другу версии; Еврипид выбрал вторую из них в интересах “lyricae caeci Polymestoris scaenae” (Зелинский), но сохранил рудиментарно, как *conduplicatio*, и первую версию. Впрочем, сам же Зелинский, по-видимому, чувствовал, что рудиментарные мотивы – особенность античной мифологической традиции (стр. 34: *religionem vel quondam pietatem... Noliut... ab eo discedere*). В некоторых случаях Зелинский считает себя обязанным отметить, что в случае *conduplicatio* иногда и выбранная автором версия не выдумана им самим, а представляет собой старый второй вариант (стр. 38: *non ab ipso poeta muthopoeiae amplificatore fictum, sed ex antiquae ipsum quoque haustum*). Почему же мы не в праве и в тех случаях, когда такой второй вариант не засвидетельствован в предшествующей поэту мифографии, предположить его существование?

Итак, вопреки мнению Зелинского, блестяще разработанная и детализированная им теория рудиментарных мотивов характерна⁵⁹ не для поэзии вообще, а для античного исторического рассказа – в частности и для мифографии, поскольку миф, с точки зрения грека, есть древнейшая часть его истории.

Исходным пунктом для столь частого сохранения рудиментов более древних редакций являлось характерное античное представление, что «молва – от бога» (ср., напр<имер>, Soph. Oed. Tyr. 43: του θεῶν φήμη), что общенародная молва (Aesch. Ag. 938: φήμη δημόθρου) всегда имеет зерно истины, хотя люди – передатчики – могли многое перепутать, что «нет дыма без огня». При этом греки ссылались на классическое изречение Гесиода (Op. 763):

⁵⁶ Данный сюжет встречается у Еврипида не в «Троянках», а в «Гекубе» (1035 sqq.), причем именно на эту трагедию и ссылается в указанном месте Зелинский.

⁵⁷ «Солнце затмившееся... сулит потерю зрения или гибель детей» (перевод М.Л. Гаспарова; Artemidorus 1990: 238).

⁵⁸ «...“Корою” называется также и глазной зрачок» (перевод М.Л. Гаспарова; Artemidorus 1990: 243). Здесь и выше С.Я. Лурье указывает страницы и строки издания: Hercher 1864.

⁵⁹ Слово вписано чернилами.

φήμη δ' οὔτις πάμπαν ἀπόλλυται, ἦν τινα πολλοὶ
λαοὶ φημίξωσι: θεός νύ τίς ἐστι καὶ αὐτή⁶⁰.

Характерно, что «молва» даже в речах на суде приводится как аргумент в пользу виновности ответчика, напр<имер>, у Эсхина (с. Timarch. 127: *περὶ δὲ τὸν τῶν ἀνθρώπων βίον καὶ τὰς πράξεις ἀψευδής τις ἀπὸ ταῦτομάτου πλανᾶται φήμη κατὰ τὴν πόλιν, καὶ διαγγέλλει τοῖς πολλοῖς τὰς ἰδίας πράξεις*⁶¹...), и у Демосфена (*De falsa legatione*, 243). Поскольку *φήμη сама по себе* в основе своей всегда истинна, античный историк (как и трагический поэт) *не в праве* просто пренебречь противоречащей его взглядам версией, а обязан или перетолковать ее, или полемизировать с ней, или как-то согласовать ее со своей версией (*conduplicatio*).

Нетрудно привести аналогичный пример и из греческой истории (Аристотель, *Афинская Полития*, 6): олигархи ненавидели Солона и желали его очернить; они утверждали, будто он, собравшись отменить долговые обязательства в Афинах и желая, чтобы его друзья разбогатели на этом деле, втайне предупредил их о задуманной им мере; те тотчас же скупили в долг земли, а затем, когда долги были отменены, эти земли остались в их руках. Нынешний историк просто отверг бы эту клевету; античный историк этого делать не мог, ибо, как ни как, *φήμη* существовала, а *φήμη θεός τίς ἐστι*. Поэтому демократические афинские историки вынуждены были согласиться с тем, что Солон предупредил своих друзей о готовящейся мере, но объясняли это тем, что морально безукоризненный Солон не сомневался в их честности, а они обманули его и скупили земли без его ведома.

Здесь речь шла о сравнительно недавних событиях; еще большего доверия заслуживала, по мнению древних, *φήμη*, восходящая к героической эпохе. Греческая традиция считала древнейшее время эпохой правды и справедливости – в дальнейшем человек все более портится, становится все более порочным и лживым. Древность рассказа считалась лучшим критерием его достоверности – рассказ, восходящий к глубокой старине, никогда не отвергается целиком: даже если он оскорбляет моральное или патриотическое чувство рассказчика, его оставляют в виде рудимента, но по мере сил перетолковывают и исправляют. Противоречие все же часто остается. Понятно поэтому, что рудименты особенно часто встречаются в старинных мифах.

Я не сомневаюсь, что все эти факты были очень хорошо известны Зелинскому (см., напр<имер>, *Tragod<umena>* стр. 405), поэтому с его стороны было

⁶⁰ И никогда не исчезнет бесследно молва, что в народе
Ходит о ком-нибудь: как там никак, и Молва ведь богиня
(перевод В.В. Вересаева; *Hellenic Poets* 1963: 166).

⁶¹ «Напротив, о жизни и поступках людей сама по себе расходится по всему городу правдивая молва. Она разглашает публике сокровенные поступки людей...» (пер. Э.Д. Фролова; *Frolov* 2011: 638–639).

ошибкой приписывание таких же рудиментов новой поэзии вообще: ведь в наше время ни один поэт не считает «молву» божественной; с независимой от поэта традицией приходится считаться только в исторических поэмах и легендах.

Все сказанное нисколько не умаляет величайшего значения метода Зелинского и для изучения истории греческой драмы, и для изучения фольклорной традиции вообще. В ряде случаев его метод приводит к несомненным результатам, находящим свое подтверждение в свидетельствах античности. Содержащаяся в «Электре» Еврипида скрытая полемика (*dissimulata invectiva*) против опознания Ореста у Эсхила по цвету волос, величине ноги и вышивке на платье⁶² слишком общеизвестна, чтобы на ней стоило здесь останавливаться; Зелинский приводит и ряд других примеров, столь же убедительных. Антиспартанская *dissimulata invectiva* в «Андромахе» Еврипида явно направлена против спартанофильской версии в «Гермионе» Софокла – это подтверждает Евстафий (in Od. p. 1479, 10), где Гермiona Софокла прямо названа (*Tragodumena*, 114)⁶³. Точно так же, если в «Молящих» Еврипида, ст<рока> 846 и слл. мы читаем (*Tragodumena*, 123):

ἐν δ' οὐκ ἐρήσομαί σε, μὴ γέλωτ' ὄφλω,
ὄτῳ ξυνέστη τῶνδ' ἕκαστος ἐν μάχῃ⁶⁴,

то всякий, кто знаком с античной трагедией, согласится с Зелинским, что содержащаяся здесь полемика направлена не против старой версии мифа вообще, а специально против эсхиловых «Семи против Фив», так как эта полемика имеет в виду не самый миф, а только наивную сценическую трактовку у Эсхила.

Бывают, конечно, случаи, когда и полемика против версии самого мифа, содержащаяся у Еврипида, направлена специально против его предшественника на сцене, напр<имер>, против Эсхила. Таков, напр<имер>, рудиментарный мотив в «Молящих» Еврипида, 348: λόγοισι πείθων: εἰ δὲ μή, βίᾳ δорὸς⁶⁵ (*Tragodumena*, 86) – эта дилемма не развивается в дальнейшем и представляет собой *irritum consilium*. И в самом деле уже источник Плутархова «Тесея» (гл. 29) указывал, что спор между афинянами и фиванцами разрешался путем убеждения (πείσας) уже в «Элевсинках» Эсхила. Однако из дальнейших слов

⁶² Сткк. 520–546; Zieliński 1925: 113.

⁶³ Зелинский дает ссылку к сткк. 964–966 «Андромахи».

⁶⁴ ...Оставлю в стороне

Смешное любопытство: как враги

В сражении распределялись... (пер. И. Анненского; Euripides 1999: 316).

⁶⁵ С.Я. Лурье не точен: он цитирует стк. 347. Ср. пер. И. Анненского:

...Мертвых

Уговорю вернуть им. Но в запасе

И меч у нас...» (Euripides 1999: 295).

Плутарха видно, что мирный вариант представлял собою наиболее распространенную тривиальную версию мифа, которой придерживался и Филохор; поэтому очень возможно, что Еврипид здесь имеет в виду общепринятую версию, а не специально Эсхила.

Сказанное относится и к большинству других примеров, приводимых Зелинским. Еврипид часто выбирал менее распространенную, несколько экзотическую форму мифа, но сохранял в виде рудимента ту или иную черту тривиальной версии; однако это еще не доказывает, что он во всех этих случаях непременно полемизировал с Эсхилом или Софоклом, и не дает права соответствующим образом восстанавливать их утраченные трагедии. Так, напр<имер>, мотив короны, извергающей огонь, в «Медее» – несомненно, рудиментарный мотив (Tragod<umena>, 71): эта корона излишня, поскольку Медея умерщвляет свою соперницу при помощи отравленного платья. И действительно, из Гигина (fab. 25) мы узнаем, что по наиболее распространенной версии Медея убивала царевну только при помощи короны. Но значит ли это, что этот рудимент сохранился от трагедии Софокла “Rhizotomoi”⁶⁶ (Tragod<umena>, 78)? Тем более, что никаких данных в пользу того, что “Rhizotomoi” имели содержанием пребывание Медеи в Аргосе, нет.

В ряде своих работ⁶⁷¹ я старался показать, как много дает метод рудиментарных мотивов, обоснованный Зелинским, для изучения истории фольклорных сюжетов вообще. Особенно обычен здесь прием, близкий к *irritum consilium*, объясняющийся чаще всего изменением моральных воззрений (Raccolta Ramorino, стр. 292): старые «варварские» черты мифа не решаются устранить вовсе, но их затушёвывают. Так, напр<имер>, в наиболее старых версиях одного из сюжетов девушка удаляется в лесную избушку, где сожительства со всеми «лесными братьями»; в большей части версий мы читаем, однако, что девушка ложится в кровать каждого из братьев по очереди или получает от каждого из них обручальное кольцо, или ест из тарелки каждого из них, но становится женой только одного из них – остальные братья любили ее только, как сестру («Дом в лесу», 161). В одних версиях другого сюжета герой убивает отца и женится на своей матери или своей дочери; в большей части версий герой *чуть не* убивает отца или *чуть не* женится на матери или дочери (Raccolta Ramorino, 299, «Дом в лесу», 171); в одних версиях третьего сюжета героине отрубают руки, в других – *чуть не* отрубают руки («Дом в лесу», 171) и т. д.

⁶⁶ «Подрезающие корни» – известная во фрагментах и по косвенным упоминаниям трагедия Софокла (TrGF IV. F. 534–536).

⁶⁷¹ Τὸν σου ἕϊον φρῖζον, Raccolta di scritti in onore di F. Ramorino, Milano 1927, p. 289 sqq, “Die Ersten werden die Letzten sein”, Klio, XXII, 1929, стр. 405 и слл. «Дом в лесу», «Язык и культура», сборник научно-исследовательского института речевой культуры, VIII, Л<енинград>д 1932, стр. 159 и слл. и др. – Примеч. С.Я. Лурье. Соответственно: Luria 1927; 1929; Лурье 1932 (в названии сборника Лурье допускает ошибку).

Интересным, очень распространенным видом *irritum consilium* является пророчество, помещенное в начале рассказа, которое, однако, в дальнейшем не сбывается. Очевидно, первоначально пророчество для того и открывало рассказ, чтобы сбыться в дальнейшем ходе событий; рассказ был исправлен в духе новых моральных воззрений, но старинное пророчество не решились удалить, и оно осталось как рудимент (*Raccolta Ramorino*, стр. 290 и слл., 299).

Очень интересный образец *contradictio* мы встречаем в закарпатско-украинской сказке в «*Этнографичному Збірнікі*», 9, № 23⁶⁸. Злой брат мужа оклеветал его жену в измене. Ее отвели в лес, где она попала к «лесным братьям», которых и усыновила. Вместе с этими приемными сыновьями она возвращается домой, и приемные сыновья, мстя за нее, зверски истязают ее мужа (а не брата мужа!). Очевидно, «брат мужа» в начале сказки – только замена мужа, вызванная моральными соображениями («Дом в лесу», стр. 171).

Все это, однако, сказки, сюжет которых в наше время сохраняется только в силу традиции; живая вера в сказочную мифологию давно утрачена. Другое дело – Библия и Евангелие: составители этих книг верили в каждую подробность, сохраненную преданием; изменения могли вноситься лишь очень осторожно. Естественно, что именно здесь должно было сохраниться больше всего рудиментарных мотивов. Именно в области критики старого и нового завета метод Зелинского должен дать наиболее блестящие результаты. И действительно, я применил этот метод лишь случайно⁶⁹¹) для изучения истории текста книги «Бытия» и получил интересные результаты.

Приведу два примера. В этой книге и патриарх Авраам, и патриарх Иаков путешествуют в Египет, и это вполне естественно: в бедной Палестине неурожай и голод были обычными явлениями, в богатом Египте всегда можно было купить хлеб; но патриарх Исаак во время голода отправился не в Египет, а в Герар Филлистимский. И вот, без всякой связи как с предыдущим, так и с последующим, бог Иагве говорит Исааку («Бытие», 26, 2): «Не ходи в Египет!». Это – типичный *irritum consilium*, и естественно предположить, что по более старой версии и Исаак, подобно Аврааму и Иакову, путешествовал не в Герар, а в Египет. И в самом деле, рассказ о пребывании Исаака в Гераре оказывается лишь дублетом рассказа о пребывании Авраама в Египте: и здесь и там патриарх выдает свою жену за сестру, «чтобы жители того места не убили его за жену, так как она прекрасна лицом»⁷⁰.

По библейскому представлению, после страшных казней, насланных богом на Египет, фараон вынужден был с большой неохотой разрешить евреям

⁶⁸ Gnatyuk 1900: 43–45.

^{69 1)} Die ägyptische Bibel (Joseph- und Mosesage), Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft, 44, 1926, S. 94 ff. – Примеч. С.Я. Лурье. Luria 1926.

⁷⁰ Lur'e 1926a: 91–92; Luria 1926: 99 (с более подробными отсылками к обсуждаемым фрагментам).

удалиться в пустыню; их бог решил привести их через пустыню в счастливую обетованную страну; по египетской версии рассказа об азиатах и прокажённых (которая, как я показываю, была хорошо известна составителям Библии), фараон по приказу бога изгнал их из Египта в пустыню, чтобы они там погибли (Лисимах у Joseph. с. Arion. 1, 34, 3: συναθροισθέντας εἰς τόπους ἐρήμους ἐκτεθῆναι ἐπ' ἀπωλείᾳ⁷¹). В книге «Исход» сохранились рудименты и этой версии: 1) в виде *conduplicatio* (11, 1): «Еще одну казнь я наведу на фараона и на египтян, после чего он отпустит вас отсюда. Когда же он отпустит вас, он выгонит вас вон отсюда» (12,39). «Они были выгнаны из Египта»; 2) в виде *dissimulata invectiva* (32,12) «Зачем позволять египтянам говорить: на погибель – ср. ἐπ' ἀπωλείᾳ у Лисимаха! – он вывел их, чтобы... истребить их с лица земли»; («Числа» 14, 13–15): Иагве хотел истребить евреев, но Моисей сказал ему: «И об этом услышат египтяне... и если ты истребишь этот народ... то скажут они народам: "...бог погубил этот народ в пустыне!"»⁷².

Таких же рудиментарных нотивов очень много и в Евангелии. Приведу только один пример: у Матфея, 5,3 и 6 читается: : Μακάριοι οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι, ὅτι αὐτῶν ἐστὶν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν... μακάριοι οἱ πεινῶντες καὶ διψῶντες τὴν δικαιοσύνην, ὅτι αὐτοὶ χορτασθήσονται⁷³. Так как пафос поздних частей Евангелия состоит в противопоставлении кротких и убогих гордым и надменным, то с точки зрения составителей этих поздних частей такие выражения вполне здесь уместны, но выражения πτωχοὶ τῷ πνεύματι и πεινῶντες... τὴν δικαιοσύνην не только крайне вычурны, но, пожалуй, и невозможны в греческом языке; поэтому априори можно предположить, что πτωχοὶ и πεινῶντες – рудименты старого Евангелия, в котором основной пафос состоял в противопоставлении бедных богатым, причем богатство само по себе считалось преступлением⁷⁴. В этом случае слова τῷ πνεύματι и τὴν δικαιοσύνην пришлось бы считать тенденциозной вставкой поздних евангелистов, имевших целью обезвредить эти пере-

⁷¹ «...остальные согнаны в пустыню и оставлены там на погибель» (пер. под ред. Н.В. Брагинской; Greek and Latin Authors... 1997: 385). Мотив изгнания из Египта прокаженных царем Аменофисом в конце XIX династии изложен гораздо более подробно у Манефона в передаче Иосифа Флавия (*Manetho*. Frg. 54 = *Ios*. С.Ар. I.26–31. §§ 227–287; см., с отсылками к другим публикациям: Ladynin 2017: 55–59), а его перенесение Лисимахом в указанном Лурье контексте на время Бокхориса (см. об амбивалентности образа этого царя в античной рецепции египетской традиции: Ladynin 2017: 94–96) должно быть вторично.

⁷² Lur'е 1926a: 118; Luria 1926: 127–128. Стоит отметить, что в публикуемой рукописи сообщение Лисимаха анализируется более подробно и эксплицитно, чем в указанных публикациях.

⁷³ «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное... Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся». Здесь и далее приводится Синодальный перевод Евангелия от Матфея.

⁷⁴ Едва ли С.Я. Лурье мог не знать, что фактически солидаризовался с важнейшей позицией советских исследований раннего христианства, в которых, начиная с 1930-х гг., было принято, вслед за Энгельсом, связывать его происхождение с социальным протестом: Metel' 2012: 54–56. Примечателен и антицерковный смысл следующего абзаца рукописи.

житки старой идеологии; в связи с этим и слова μακάριοι οἱ ἐλεήμονες, μακάριοι οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ, μακάριοι οἱ εἰρηνοποιοί⁷⁵ пришлось бы считать вставкой в духе новых воззрений.

Такое, на первый взгляд произвольное априористическое утверждение полностью подтверждается текстом Евангелия от Луки, 6, 20–21: Μακάριοι οἱ πτωχοί, ὅτι ὑμετέρα ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ. μακάριοι οἱ πεινῶντες⁷⁶, ὅτι χορτασθήσεσθε. Здесь речь идет о нищих и бедняках *в прямом смысле*; слова τῷ πνεύματι, τὴν δικαιοσύνην, οἱ ἐλεήμονες, οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ и οἱ εἰρηνοποιοί здесь *отсутствуют*. Правда, православный святейший синод («Новый завет в русском переводе», изд. 38, СПб., 1911)⁷⁷ пошел по пути смелых конъектур и, вопреки чтению всех рукописей, вставил от себя в текст Луки 6, 20 «нищие духом»; но симметрично следующие за этим местом выражения в ст. 24: οὐαὶ ὑμῖν τοῖς πλουσίοις⁷⁸. οὐαὶ ὑμῖν, οἱ ἐμπλησμένοι νῦν, ὅτι πεινάσετε⁷⁹ показывают с несомненностью правильность рукописных чтений; следовательно, у Матфея они являются затушеванным рудиментом!

Почему же Зелинский, столь живо интересовавшийся историей религии и, в частности, христианства, не обратил внимания на подобные случаи, где он мог бы собрать весьма многочисленные примеры рудиментов? Зелинский не хотел и не мог заняться этой «кощунственной» работой: он был не только верующим католиком, но и считал, что основной наиболее существенной частью христианской религии являются как раз не моральные предписания (“Λόγια Ἰησοῦ”), составляющие древнейшую часть Евангелия, а более поздний слой – христианская мифология и, в частности, культ Богородицы, сближающие христианство с религией эллинизма.

В 1911–1912 гг. я слушал у Зелинского курс истории древнегреческой религии. Зелинский задал аудитории вопрос: внимала⁸⁰ ли богоматерь молитвам

⁷⁵ С.Я. Лурье цитирует начальные слова стихов Мф. 5:7–9: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

⁷⁶ Лурье пропускает νῦν, в польской публикации мемуара пропуск восполнен (Luria 1959b: 417).

⁷⁷ Имеется в виду, безусловно, Синодальный перевод Евангелия, в котором приведенные стихи действительно выглядят так: «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие. Блаженны алчущие ныне, ибо насытитесь...».

⁷⁸ Лурье выпускает здесь в цитате ὅτι ἀπέχετε τὴν παράκλησιν ὑμῶν («ибо вы уже получили свое утешение»), причем в польской публикации мемуара этот пассаж тоже пропущен (Luria 1959b: 417).

⁷⁹ «Горе вам, богатые!.. Горе вам, пресыщенные ныне! ибо взалчете».

⁸⁰ До этого места приводим текст по рукописи (Л. 14, низ). Далее верхняя часть Л. 15 оторвана чуть менее чем наполовину, причем практически идеальная сохранность остальных листов рукописи заставляет предположить, что это было сделано самим С.Я. Лурье либо, с меньшей вероятностью, его сыном при передаче его документов в Архив Академии наук. Возможно, дело в том, что выступление Лурье на страницах «Меандра» с интерпретацией декрета Диофанта, альтернативной той, что была выдвинута С.А. Жебелевым еще в 1932 г. в духе отра-

невинной греческой девочки, корни, принесенные (ею) Деметре, – приняла ли она их?⁸¹ И ответил утвердительно: «Да, конечно, она приняла их, ведь молитвы были сердечны и искренни!» На губах студентов – вольнодумцев появилась усмешка и даже улыбка. Зелинский возмутился и чуть не закричал: «Я читаю лекции только верующим христианам – православным и католикам. Не советую посещать эти лекции протестантам и евреям – их религиозные убеждения основаны не на живой вере, а на холодном понимании!»

В вопросах религии я никогда не мог полностью понять идеи Зелинского. Но я не мог⁸² не признавать, что Зелинский всегда был честен в своих взглядах. И совершенно независимо от его философских и религиозных предпосылок его теория рудиментарных мотивов – одна из блестящих страниц науки о классической древности⁸³.

Не откажите сообщить также, какова судьба моей статьи о надписи в честь Диофанта.

С глубоким уважением
(SALOMO LURIA)⁸⁴

жения в нем восстания рабов под руководством Савмака, вызвало, как сообщает в воспоминаниях его сын, протест в ленинградском Институте археологии (Koprzhiva-Lurie 1987: 223–224); соответственно, было решено не оставлять в архиве «следов», которые могли бы спровоцировать еще одно разбирательство в связи с «пропагандой» Лурье взглядов ученого, оказавшегося на поверку искренне верующим католиком. Понятно, что в Польше, где костел сохранял свое влияние и при народной республике, такой пассаж никого бы не смутил; а знакомства нежелательных читателей в СССР с польским текстом этой своей статьи Лурье, возможно, не ждал и не опасался.

⁸¹ Очевидно, Деметра воспринята в данном случае как богиня-мать, в наибольшей мере близкая христианскому образу богородицы.

⁸² Начиная с этого слова приводим текст по рукописи (Л. 15). Выше недостающий фрагмент этого листа восполнен по переводу польского текста статьи С.Я. Лурье: W latach 1911–1912 słuchałem cyklu wykładów Zielińskiego o historii religii starogreckiej. Pewnego razu zwrócił się on do audytorium z pytaniem: „czy Matka Boska wysłuchała modlitw niewinnej greckiej dziewczynki, kornie zanoszonych do Demetry? czy je przyjęła?” I odpowiedział twierdząco: „Tak, oczywiście, przyjęła je, przecież modły były serdeczne i szczerze!” Na ustach studentów – wolnomyślicieli pojawił się uśmiech, a nawet uśmiech. Zieliński oburzył się i prawie zakrzyczał: „Wykładam tylko dla wierzących chrześcijan – dla prawosławnych i katolików. Nie radzę uczęszczać na te wykłady protestantom i żydom – ich przekonania religijne opierają się nie na żywej wierze, ale na zimnym rozumie”. – W kwestiach religijnych nigdy nie potrafiłem w pełni zrozumieć pomysłów Zielińskiego. Ale muszę przyznać, że Zieliński był szczerzy w swoich poglądach (Luria 1959b: 418).

⁸³ Идущие далее заключительные слова рукописи перечеркнуты карандашом.

⁸⁴ Подпись аналогична написанию имени и фамилии С.Я. Лурье в его зарубежных публикациях, начиная с 1920-х гг.

Литература/References

Almazova N.S. 1999: F.F. Zelinskiy i problemy antichnoy kul'tury [F.F. Zelinskiy and the problems of the Classical culture]. In: *Antichnost': sobytia i issledovateli* [*Antiquity: Events and Scholars*]. Kazan'. 117–122.

Алмазова Н.С. Ф.Ф. Зелинский и проблемы античной культуры. В кн.: *Античность: события и исследователи*. Казань, 1999. 117–122.

Alpatov V.M. 2011: *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [*A History of a Myth. Marr and Marrism*]. 3rd ed. Moscow.

Алпатов В.М. *История одного мифа: Марр и марризм*. 3-е изд. М., 2011.

Artemidorus 1990: Artemidor Daldianskiy. Sonnik [Artemidorus of Daldis. Dream-book]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3: 233–251.

Артемидор Далдианский. Сонник. *ВДИ* 3 (1990): 233–251.

Axer J. 2012: Tadeush Zelinskiy sredi chuzhikh [Tadeusz Zieliński among strangers]. In: *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [*Ancient World and Us. The Classical Heritage in Europe and Russia*] IV. Saint Petersburg. 12–23.

Аксер Е. Тадеуш Зелинский среди чужих. В кн.: *Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России* IV. СПб., 2012. 2–23.

Basargina E.Yu. 2008: *Imperatorskaya Akademiya nauk na rubezhe XIX–XX vekov* [*The Imperial Academy of Sciences at the Cusp of the 19th and the 20th Centuries*]. Moscow.

Басаргина Е.Ю. *Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков*. М., 2008.

Bukharin M.D. 2019: Neizvestnaya rabota V. V. Struve (k istorii slozheniya kategorial'nogo apparata sovetsoy istoricheskoy nauki) [Vasily Struve and Formation of Categories of Soviet Historical Science]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [*Vestnik of Saint Petersburg University. History*] 64/4: 1440–1458.

Бухарин М.Д. Неизвестная работа В. В. Струве (к истории сложения категориального аппарата советской исторической науки). *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 64/4 (2019): 1440–1458.

Dmitriev I.S. 2004: Chelovek epohi peremen. Ocherki o D.I. Mendeleev i ego vremeni [A Man of the Times of Change: Essays about D.I. Mendeleev and his Times]. Saint Petersburg.

Дмитриев И.С. *Человек эпохи перемен. Очерки о Д.И. Менделееве и его времени*. СПб., 2004.

Dubielzig U. (Hrsg.). 2009: *Tadeusz Zieliński (1859–1944). Spuren und Zeugnisse seines Lebens und Wirkens aus süddeutschen Beständen* (*Xenia Toruniensia* 11). Toruń.

Euripides 1999: *Tragedii* [*Tragedies*]. I. Moscow.

Еврипид. *Трагедии*. I. М., 1990.

Formozov A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma. Istoriograficheskiye ocherki* [*Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Studies*]. 2nd ed. Moscow.

- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М., 2006.
- Frazer J.G. 1983: *Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii* [*The Golden Bough. A Study in Magic and Religion*]. 2nd ed. Moscow.
- Фрэзер Дж.Дж. *Золотая ветвь: Исследование магии и религии*. 2-е изд. М., 1983.
- Freidenberg O.M. 1988: *Vospominaniya o N. Ya. Marre* [A Memoir about N. Ya. Marr]. In: *Vostok–Zapad* [*Orient–Occident*]. Moscow.
- Фрейденберг О.М. Воспоминания о Н.Я. Марре. В кн.: *Восток–Запад*. М. 1988. 181–204.
- Frolov E.D. 1999: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [*Russian Research of Classical Antiquity. Historiographical Essays*]. Saint Petersburg.
- Фролов Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. СПб.
- Frolov E. D. 2013 (ed.): *Isokrat. Rechi. Pis'ma; Malye atticheskie oratory. Rechi* [*Isocrates. Speeches. Letters. Minor Attic Orators. Speeches*]. Moscow.
- Фролов Э. Д. (ред.). *Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи*. М., 2013.
- Gavrilov A.K. 2012: *Faddey Frantsevich Zelinskiy v kontekste russkoy kultury* [Faddey Frantsevich Zelinskiy in the context of the Russian culture]. In: *Drevniy mir i my. Klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii* [*Ancient World and Us. The Classical Heritage in Europe and Russia*]. IV. Saint Petersburg. 32–45.
- Гаврилов А.К. Фаддей Францевич Зелинский в контексте русской культуры. В кн.: *Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России IV*. СПб., 2012. 32–45.
- Gnatyuk V. 1900: *Etnografichni materiyali z Ugorskoї Rusi*. III. I. *Zakhidni ugors'korus'ki komitati*. II. *Bach-Bodrog's'kiy komitat (Etnografichniy zbirnik 9)* [*Ethnographical Evidence from Hungarian Rus. III. I. Western Hungarian-Russian Counties. II. Bach-Bodrog'skiy County (Ethnographic Collection 9)*]. Lvov.
- Гнатюк В. *Етнографічні матеріали з Угорської Русі*. III. I. *Західні угорсько-руські комітати*. II. *Бач-Бодрог'ський комітат (Етнографічний збірник 9)*. Львів, 1900.
- Greek and Latin Authors 1997: *Grecheskie i rimskie avtory o evreyakh i iudaizme*. I. *Ot Gerodota do Plutarkha* [*Greek and Latin Authors on Jews and Judaism. I. From Herodotus to Plutarch*]. Moscow; Jerusalem.
- Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме*. I. *От Геродота до Плутарха*. М.; Иерусалим, 1997.
- Hellenic Poets 1963: *Ellinskie poety* [*The Hellenic Poets*]. Moscow.
- Эллинские поэты*. М., 1963.
- Hercher R. (Hrsg.) 1864: *Artemidori Daldiani Onirocriticon libri V*. Lipsiae.
- Kirillova M.N. 2020: “Ya – faktopoklonnik”: S.A. Zhebelev i sovetskaya nauka o drevnosti v nachale 1930-kh gg. [“I’m a Factlover”: Sergey Zhebelyov and Soviet Ancient History in the

Early 1930s]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal «Istoriya»* [The Journal of Education and Science “ISTORIYA” (“History”)] 11/1(87).

Кириллова М.Н. «Я – фактопклонник»: С.А. Жебелёв и советская наука о древности в начале 1930-х гг. *Электронный научно-образовательный журнал «История»* 11/1(87) (2020).

Koprzhiva-Lurie B.Ya. 1987: *Istoriya odnoy zhizni* [A History of a Life]. Paris.

Копржива-Лурье Б.Я. *История одной жизни*. Париж.

Ladynin I.A. 2017: «*Snova pravit Egipet!*» *Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsiyah i konstruktah pozdneegipetskih istoriografii i propagandy*. [“Egypt Rules Again!” The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda]. Moscow; Saint Petersburg.

Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. (Труды Исторического факультета МГУ 84; Сер. II: Исторические исследования 40). М.; СПб.

Ladynin I.A. 2020a: *Vystupleniya Solomona Yakovlevicha Lur'e v Rossiyskom palestinskom obshchestve* [Lectures of Solomon Iakovlevich Lur'e in the Russian Palestinian Society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History] 65/4: 1272–1287.

Ладынин И.А. Выступления Соломона Яковлевича Лурье в Российском палестинском обществе. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История* 65/4 (2020): 1272–1287.

Ladynin I.A. 2020b: “Egipetskaya Bibliya”: al'ternativy dorevolyutsionnoy nauchnoy paradigme v rabotakh S.Ya. Lur'e 20-kh godov XX veka “The Egyptian Bible”: Alternatives to the pre-revolutionary research paradigm in S.Ya. Lurye’s works of 1920s. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series] 162/3: 42–55.

Ладынин И.А. «Египетская Библия»: альтернативы дореволюционной научной парадигме в работах С.Я. Лурье 20-х годов XX века. *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки* 162/3 (2020): 42–55.

Lur'e S.Ia. 1926a: Bibleiskii rasskaz o prebyvanii evreev v Egipte [The Biblical Story of the Hebrew Stay in Egypt]. In: *Evreiskaia mysl'* [Hebrew Thought] 2. Leningrad. 81–129.

Лурье С.Я. Библейский рассказ о пребывании евреев в Египте. *Еврейская мысль* 2. Л., 1926. 81–129.

Lur'e S.Ya. 1926b: *Predtechi anarkhizma v drevnem mire* [Antecessors of Anarchism in Antiquity]. Moscow.

Лурье С.Я. *Предтечи анархизма в древнем мире*. М., 1926.

Luria S. 1926: Die ägyptische Bibel (Joseph- und Mosesage). *Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft* 44 (1926): 94–135.

Luria S. 1927: Τὸν σου υἱὸν φρήξον. In: *Raccolta di scritti in onore di Felice Ramorino (Pubblicazioni della Università cattolica del Sacro Cuore; Ser. 4: Scienze filologiche 7)*. Milano. 289–314.

Luria S. 1929: Die Ersten werden die Letzten sein (Zur “sozialen Revolution” im Altertum). *Klio* 22 (Neue Folge Band IV): 405–431.

Lur'e S.Ya. 1930: Grecheskaya religiya [Greek religion]. In: *Bolshaya sovetskaya ensiklopedia [Big Soviet Encyclopedia]* 19. Moscow. 136–140.

Лурье С.Я. Греческая религия. В кн.: *Большая советская энциклопедия* 19. М., 1930. 136–140.

Lur'e S.Ia. 1932: Dom v lesu [A house in a forest]. In: *Language and literature VIII*. Leningrad. 159–194.

Лурье С.Я. Дом в лесу. В кн.: *Язык и литература VIII*. Л., 1932. 159–194.

Luria S.J. 1959a: J eszce o dekrecie ku czci Diofantosa. *Meander* XIV/2 (1959): 67–78.

Luria S.J. 1959b: Wspomnienia o prof. Tadeuszu Zielinskim i jego metodzie motywow rudymetarnych. *Meander* XIV/8–9 (1959): 406–418.

Metel' O. V. 2012: *Sovetskaya model izucheniya pervonachalnogo khristianstva (1920–1990-e gg.)*. [Soviet Model for the Research of the Original Christianity (1920–1990s)]. Omsk.

Метель О.В. *Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.)*. Омск, 2012.

Mirovschcikova A.A. 2015: Fight against Cosmopolitanism in Soviet Antiquity: The case of S. Y. Lurie. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]* 24 (379). *Istoriya [History]* 66: 202–209.

Мировщикова А.А. Борьба с космополитизмом в советском антиковедении: дело С.Я. Лурье. *Вестник Челябинского государственного университета* 24 (379). *История* 66 (2015): 202–209.

Krikh S.B. 2020: *Drugaya istoriya [Another History]*. Moscow.

Крих С.Б. *Другая история*. М., 2020.

Onoshkovich-Yatsyna A.I. 1993: Dnevnik 1919–1927 [Diary 1919–1927]. In: *Minuvshee. Istoricheskiy almanach [The Past. A Historical Almanac]* 13. Moscow; Saint Petersburg. 355–456.

Оношкович-Яцына А.И. Дневник 1919–1927. В кн.: *Минувшее. Исторический альманах* 13. М.; СПб., 1993. 355–456.

Piotrovskiy B.B. 1995: *Stranitsy moey zhizni [Pages of My Life]*. Saint Petersburg.

Пиотровский Б.Б. *Страницы моей жизни*. СПб., 1995.

Pöhlmann R. von 1906: *Oчерк grecheskoy istorii v svyazi s istochnikovedeniem [An Outline of the Greek History in Connection with the Study of Sources]*. Saint Petersburg.

Пёльман Р. фон. *Очерк греческой истории в связи с источниковедением*. СПб., 1906.

Ranke L. von 1885: *Geschichten der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514*. 3. Aufl. Leipzig.

Reinach S 1905. *Cultes, mythes, et religions* I. Paris.

Sophocles 1892: *Sofokl. Tsar' Edip (Illyustrirovannoe sobranie grecheskikh i rimskikh klassikov s ob'yasnitel'nymi primechaniyami pod redaktsiey L'va Georgievskogo i Sergeya Manschteyna)*. [Sophocles. *Oedipus Rex (Illustrated Collection of the Greek and Roman Classics with Explanatory Notes Edited by Lev Georgievskiy and Sergey Manschtein)*] I–II. Tsarskoe Selo.

Софокл. *Царь Эдип (Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями под редакцией Льва Георгиевского и Сергея Маништейна)* I–II. Царское Село, 1892.

Sophocles 1898: *Sofokl. Trakhinyanki [Sophocles. Women of Trachis (Illustrated Collection of the Greek and Roman Classics with Explanatory Notes Edited by Lev Georgievskiy and Sergey Manschtein)]* I–II. Saint Petersburg.

Софокл. *Трахинянки (Иллюстрированное собрание греческих и римских классиков с объяснительными примечаниями под редакцией Льва Георгиевского и Сергея Маништейна)* I–II. СПб., 1898.

Warnecke B.V. 2013: Starye filologi [Old philologists]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 4: 123–155.

Варнеке Б.В. Старые филологи. *ВДИ* 4 (2013): 123–155.

Warnecke B.V. 2014: Starye filologi [Old philologists]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1: 144–178.

Варнеке Б.В. Старые филологи. *ВДИ* 1 (2014): 144–178.

Zaborowski R. 2009: Tadeusz Zieliński (1859–1944) – sa vie et son œuvre. *Annales du Centre Scientifique à Paris de l'Académie Polonaise des Sciences* 12: 207–222.

Zalesskiy N.N. 1946: Na kafedre drevney istorii Leningradskogo universiteta [At the Department of Ancient History of the Leningrad University]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2: 211–212.

Залесский Н.Н. На кафедре древней истории Ленинградского университета. *ВДИ* 2 (1946): 211–212.

Zelinskiy F.F. 1912: Rudimentarnye motivy v grecheskoi tragedii [The Rudimentary motifs in the Greek tragedy]. In: *ПРОПЕМПТНРИА: Sbornik statei, izdannyi Odesskim obshchestvom istorii i drevnostei v chest' pochetnogo chlena E.R. fon Shterna*. [Collection of Papers Published by the Odessa Society of History and Antiquities in Honour of its Honorary Member E.R. von Stern]. Odessa. 9–15.

Зелинский Ф.Ф. Рудиментарные мотивы в греческой трагедии. В кн.: *ПРОПЕМПТНРИА: Сборник статей, изданный Одесским обществом истории и древностей в честь почетного члена Э.Р. фон Штерна*. Одесса, 1912. 9–15.

Zieliński Th. 1885: *Die Gliederung der altattischen Komödie*. Leipzig.

Zieliński Th. 1925: *Tragodumenon libri tres*. Cracoviae.

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Алмазова
к.и.н., доцент Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»
105066 Россия, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4, стр. 3
E-mail: nalmazova@mail.ru;
nalmazova@hse.ru

Иван Андреевич Ладнин
д.и.н., доцент исторического факультета
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
119192 Россия, г. Москва,
Ломоносовский проспект, д.27, корп. 4
профессор Школы исторических наук
Факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского
университета «Высшая школа
экономики»
105066 Россия, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4, стр. 3
E-mail: ladynin@mail.ru; iladynin@hse.ru

Information about the author

Natalia S. Almazova
PhD in History, Associate Professor of
School of the history
Faculty of humanitarian sciences
The National Research University
“Higher School of Economics”
105006 Russia, Moscow, Staraya
Basmannaya str. 21/4, b. 3
E-mail: nalmazova@mail.ru;
nalmazova@hse.ru

Ivan A. Ladynin
PhD habil. in History, Associate Professor
Historical Faculty
Moscow Lomonosov State University
119192 Russia, Moscow,
Lomonosovskiy str., 27> b. 4
Prof. of School of the history o
Faculty of humanitarian sciences
The National Research University
“Higher School of Economics”
105006 Russia, Moscow, Staraya
Basmannaya str. 21/4, b. 3
E-mail: ladynin@mail.ru; iladynin@hse.ru

